

Оригинальная статья

УДК 316.44

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66>

Влияние постиндустриализации на социально-профессиональную структуру современного общества: теоретический обзор

Роман Константинович Дианов

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
r.dianov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6382-383X>*

Введение. Сегодня социологи и экономисты отмечают рост атипичной занятости, сопровождающийся постепенным отходом от долгосрочных трудовых договоров. Развитие гиг-экономики – современной системы трудовых отношений, основанной на временных и краткосрочных договорах, приводит к формированию множества концепций постиндустриальной занятости. В статье рассмотрены теоретические рефлексии амбивалентных последствий изменений института занятости в условиях постиндустриализации.

Методология и источники. Исследование опирается на труды теоретиков постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер и П. Друкер), а также концепции свободных агентов Д. Пинка, креативного класса Р. Флориды и прекариата Г. Стэндинга. Кроме того, автор уделил внимание работам Ж. Т. Тощенко – крупного российского исследователя, активно развивающего теорию прекариата. Осуществляется интеграция различных точек зрения для обеспечения комплексного теоретического анализа состояния социально-профессиональной структуры в контексте постиндустриализации.

Результаты и обсуждение. Постиндустриализация, согласно исследователям, концептуализирующим ее последствия, знаменует собой переход к сервисной экономике, в которой знания являются ключевым ресурсом и фактором производства. Креативность, автономность и нематериальная мотивация предстают специфическими чертами существенной части рабочей силы современного общества. Вместе с тем в социально-профессиональной структуре социума можно выделить как интеллектуальных работников, часто отдающих предпочтение гибким формам трудовых отношений, так и прекарные группы, характеризующиеся нестабильной занятостью, колеблющимися доходами и неустойчивым общественным положением.

Заключение. В условиях «дестабилизации» отношений занятости формируются группы работников двух типов, отличающиеся своим социально-экономическим положением и имеющие различные, порой противоположные, ценностные ориентации и установки по отношению к труду, – привилегированный и депривированный. Представители привилегированных групп, описанные Д. Пинком и Р. Флоридой, грамотно и умело пользуются возможностями, возникающими в результате трансформации трудовых отношений, в то же время представители депривированных групп, о которых говорят Г. Стэндинг и Ж. Т. Тощенко, выступают «суррогатом» традиционного наемного работника, трудятся на нестабильных условиях и малопrestижных позициях.

© Дианов Р. К., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Ключевые слова: труд, нестандартная занятость, креативный класс, свободный агент, прекариат, гиг-экономика

Для цитирования: Дианов Р. К. Влияние постиндустриализации на социально-профессиональную структуру современного общества: теоретический обзор // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 54–66. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66

Original paper

A Theoretical Review of How Post-Industrialization Shapes the Social-Professional Structure of Modern Society

Roman K. Dianov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,
r.dianov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6382-383X>*

Introduction. Today, sociologists and economists observe the rise of atypical employment, accompanied by a gradual shift away from long-term labor contracts. The growth of the gig economy – a contemporary labor system based on temporary and short-term contracts – led to the development of numerous concepts of post-industrial employment. This article examines the theoretical perspectives on the ambiguous effects of changes in the employment institution during the post-industrial era.

Methodology and sources. The research builds upon the seminal works of post-industrial society theorists such as D. Bell, A. Toffler, and P.F. Drucker, as well as the concepts of free agents by D.H. Pink, the creative class by R. Florida, and the precariat by G. Standing. Additionally, the author examines the contributions of Zh.T. Toshchenko, a prominent Russian researcher actively refining the theory of the precariat. The article integrates various perspectives to provide a comprehensive theoretical analysis of the socio-professional structure in the context of post-industrialization.

Results and discussion. According to researchers conceptualizing its effects, post-industrialization marks the transition to a service economy where knowledge is a key resource and production factor. Creativity, autonomy, and intrinsic motivation are distinctive traits of a significant portion of the modern workforce. At the same time, the socio-professional structure of society reveals a growing divide between intellectual workers, who often prefer flexible employment, and precariat groups, characterized by unstable employment, fluctuating incomes, and an uncertain social position.

Conclusion. The destabilization of employment relations has resulted in the emergence of two distinct labor groups with different socio-economic statuses and often opposing values and attitudes toward work: the privileged and the deprived. Members of privileged groups, as described by D. Pink and R. Florida, effectively utilize the opportunities created by labor market transformations, while representatives of deprived groups, examined by G. Standing and Zh.T. Toshchenko, act as a “substitute” for traditional employees, working under unstable conditions and in low-prestige positions.

Keywords: labor, non-standard employment, creative class, free agents, precariat, gig economy

For citation: Dianov, R.K. (2025), “A Theoretical Review of How Post-Industrialization Shapes the Social-Professional Structure of Modern Society”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 54–66. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66 (Russia).

Введение. Сегодня социологи и экономисты фиксируют развитие атипичной занятости [1]. Исследователи указывают на то, что долгосрочные трудовые договоры между компаниями и работниками постепенно уходят в прошлое [2]. Наряду с традиционными наемными работниками, обычно трудящимися с 9:00 до 18:00 пять дней в неделю, появляется все больше фрилансеров, самозанятых, временных сотрудников. Соответственно, развиваются и цифровые платформы, предоставляющие альтернативные возможности для трудоустройства [1, 3].

Изменения института занятости и социально-профессиональной структуры современного общества отчасти находят свое выражение в гиг-экономике¹ (от англ. gig economy), представляющей собой *систему трудовых отношений, в основе которой лежат временные и краткосрочные договоры* [4, 5]. Как научный термин данное понятие отражает изменения современного капитализма, указывает на сокращение роли стандартной занятости, основанной на бессрочном трудовом договоре, полном рабочем дне, социальной защищенности работника, а также на появление новых типов социальных отношений, институтов. Гиг-экономика активно развивается, а трудовые и социальные права нового типа работников привлекают особое внимание со стороны научного сообщества, что выражается в формировании целого корпуса научных концепций постиндустриальной занятости [3, 6, 7]. Статья посвящена критическому анализу, классификации и оценке концепций постиндустриальной занятости, сформулированных в западной социологии, дополненных анализом подхода к специфике развития данного типа занятости в России, разрабатываемого Ж. Т. Тощенко.

Автор освещает теоретические рефлексии амбивалентных последствий изменений института занятости, которые привели к становлению гиг-экономики в качестве нового типа социально-трудовой системы. Структура статьи построена следующим образом: сначала рассмотрены теоретические подходы к постиндустриализации, ее влиянию на трудовые отношения; затем проанализированы концепции, свидетельствующие о появлении новых социально-профессиональных групп, выделены их ключевые особенности и отличия; в заключении приведены выводы и рекомендации для исследователей.

Вклад настоящей статьи в развитие научного знания заключается в систематизации и детальном анализе ключевых подходов к изучению постиндустриализации труда. Осуществленная автором интеграция теоретических перспектив позволяет глубже понять двойственный характер трансформаций социально-профессиональных отношений в контексте современного общества.

Методология и источники. Методология обзора основана на теоретико-аналитической базе, призванной синтезировать основополагающие и современные взгляды на постиндустриализацию и ее социально-экономические последствия. Выбор теорий Д. Белла, Э. Тоффлера и П. Друкера обусловлен тем, что они обеспечивают концептуальную основу для осмысления перехода от индустриальной экономики к экономике знаний, а также уделяют внимание роли информации, услуг и интеллектуального капитала как центральных движущих сил общественных преобразований. В обзор также включены концепции «креативного класса» (Р. Флорида), «свободных агентов» (Д. Пинк) и «прекариата» (Г. Стэндинг), предлагающие оригинальное понимание динамично изменяющейся социально-профессиональной структуры. Помимо этого, в исследовании использованы работы Ж. Т. Тощенко –

¹ Которую также называют «гигономикой».

ведущего российского социолога, внесшего значительный вклад в понимание института нестандартной занятости в нашей стране. Интеграция различных точек зрения обеспечивает целостный теоретический анализ состояния социально-профессиональной структуры в контексте постиндустриализации.

Результаты и обсуждение.

Концепции постиндустриализации как фактора трансформации социально-трудовых отношений. Социологи еще во второй половине прошлого века пришли к выводу, что переход к постиндустриальному обществу оказал существенное воздействие на социально-профессиональные отношения. Вследствие того, что экономика становится все более ориентированной на услуги и креативные индустрии, изменяется характер институтов труда и занятости. Далее рассмотрено, как постиндустриализация трансформирует социум, создавая при этом новые вызовы и возможности для участников рынка труда.

Согласно одному из первых аналитиков постиндустриализации Д. Беллу, в экономической сфере постиндустриального общества начинает доминировать производство услуг, а «белые воротнички» превалируют над «синими». Однако не вся сфера услуг отождествляется с новым типом социума. О последнем можно в действительности говорить только тогда, когда рабочая сила перетекает в «четвертичный» и «пятеричный» секторы – отрасли деловых и профессиональных услуг, здравоохранения, образования, научно-исследовательской деятельности, управления и т. п. [8, 9].

Трансформируется труд: он становится более «образованным», а также базируется на коммуникации между людьми. Основу нового общества должны составить высококвалифицированные специалисты – класс «профессионалов», отличительным критерием которого является обладание знаниями [8, 9]. «Профессионалы» будут заниматься технической, научной, управленческой и духовной деятельностью – интеллектуально направлять социум. При этом рабочий класс перестает существовать как значимый исторический субъект [8].

Американский социолог и футуролог Э. Тоффлер сформулировал концепцию «общества третьей волны» (которое он также называл «супериндустриальным» и «информационным») [10]. При новом типе общественного устройства информация является не менее важным фактором производства, чем труд и капитал [11, с. 458].

Если в индустриальном обществе все индивиды хотят примерно одного, а именно – достижения экономического благополучия и успеха, то в информационном социуме нематериальная мотивация выходит на передний план вследствие удовлетворенности базовых человеческих потребностей [11, с. 456–457]. Протестантская этика труда постепенно будет отходить на второй план, в то же время формальный рабочий день для членов общества будущего будет сокращаться [10].

В производстве товаров и услуг усиливаются тенденции кастомизации и индивидуализации взамен стандартизированному производству одного и того же. Новая система производства должна быть основана на интеллектуальном, умственном труде. Взамен организациям, выстроенным по формально-бюрократическим принципам, формой принятия решений может стать адхократия², представляющая собой во многом децентрализованную и неформальную структуру, которая образуется для решения конкретных задач [10, с. 420; 11,

² От лат. ad hoc – «по особому случаю».

с. 453–454]. В это же время крупные по своему размеру организации должны быть замещены более компактными и адаптивными [12, с. 256–257; 13, с. 47]. Работа большинства членов информационного социума должна быть не рутинной и изнуряющей, а наоборот, интересной и творческой [10].

Таким образом, «общество третьей волны», по Э. Тоффлеру, становится все более де-стандартизированным и менее иерархичным, ему свойственны высокий уровень инновационности, быстрые изменения [14, с. 317–320]. Автоматизация приводит к тому, что монотонная, тяжелая работа со временем исчезает, поскольку не является эффективной, в то же время главными общественными и экономическими ресурсами становятся информация и творчество. При взаимодействии с трудящимися необходимо будет учитывать их собственные интересы. Происходит колоссальный рост гражданских и рабочих инициатив [12].

Процессы постиндустриализации также подверглись анализу со стороны австрийско-американского исследователя П. Друкера. Им была разработана теория «посткапиталистического общества» (post-capitalist society) и «общества знаний» (knowledge society). Осуществляется переход к экономике, движимой инновациями, в которой традиционные хозяйственные структуры и иерархические системы заменяются более гибкими и децентрализованными формами. В основе концепции П. Друкера лежит идея о том, что современный капитализм претерпевает трансформацию в связи с технологическим прогрессом и глобализацией. Автор утверждает, что традиционная роль труда и капитала как факторов производства изменяется: знания становятся главным ресурсом и ключом к социально-экономическому успеху индивида и социума в целом [15, 16].

Исследователь отмечает, что все более важной становится работа, основанная на знаниях (knowledge work). Индивиды, обладающие специализированными и уникальными умениями и навыками, а также креативными способностями, становятся все более важными акторами новой экономической системы, образуя класс «работников знаний» (knowledge workers) [15]. Деятельность таких работников плохо подвергается стандартизации и рутинизации, подобный труд требует самостоятельности, проявления критического мышления и творчества. Лояльность со стороны квалифицированного сотрудника теперь нельзя получить за счет большой заработной платы, ему необходимо предлагать условия для развития собственного потенциала [15].

Вместе с тем класс работников знаний является относительно малочисленным и представляет собой меньшинство нового типа социума. Численное большинство в нем, по мнению П. Друкера, будут составлять представители сервисного класса (service workers) – второго основного класса посткапиталистического общества, члены которого характеризуются более низким образовательным, квалификационным уровнем и часто занимаются рутинным трудом [15, 16].

Итак, Д. Белл, Э. Тоффлер и П. Друкер отметили основные трансформации характера труда и занятости в современном социуме. В экономике начинает доминировать сфера услуг, а не промышленность или сельское хозяйство. Монотонный труд постепенно вытесняется процессами автоматизации и компьютеризации, в то время как буржуазия и рабочий класс теряют функцию интеграции общества и роль социальных акторов, определяющих основные векторы и конфликты общественного развития. Поскольку знание становится ос-

новным общественным ресурсом и фактором производства, ведущие позиции в социуме занимают специалисты, технократы и интеллектуалы.

Однако практика показывает, что некоторые концептуальные построения теоретиков постиндустриализма оправдались лишь частично. Далее продемонстрировано, что место убывающего рабочего класса в условиях информационного общества занимают две социально-профессиональные группы: во-первых, работники с неустойчивой занятостью и колеблющимися доходами, не имеющие ряда социальных и правовых гарантий (прекариат), а во-вторых, креативные и самостоятельные специалисты, пользующиеся выгодами нового социально-трудового порядка. Следовательно, одна из актуальных проблем современности, непредвиденная создателями теории постиндустриального общества, состоит в усилении неоднозначного влияния атипичной занятости на работников, занимающихся как интеллектуальным и творческим, так и монотонным трудом.

Появление новых социально-профессиональных групп. Изменения института труда в условиях постиндустриализации оказывают прямое воздействие на социально-профессиональную структуру общества. Данные трансформации в социальной науке рассмотрены и оценены с разных точек зрения и получают различные теоретические концептуализации. С одной стороны, в последнее время активно развивается концепция прекариата как нового «опасного» социального класса (Г. Стэндинг). С другой стороны, существуют теории креативного класса Р. Флориды и «нации свободных агентов» Д. Пинка, в которых современным изменениям института и занятости дается скорее позитивная оценка [17, 18]. Однако при всех теоретических расхождениях, исходя из данных концепций, становится очевидным существование в современном обществе принципиально новых социально-профессиональных групп, выделяемых по типу занятости и характеру работы, которые при этом имеют свой собственный образ жизни, специфические ценности, установки и т. п.

Одним из первых трансформацию социально-профессиональной структуры в условиях нового социума концептуализировал американский исследователь Д. Пинк [19]. Автор противопоставил [20, с. 70] «человека организации»³ – индивида, погруженного в деятельность своей компании, работающего практически исключительно ради ее блага и подчиненного устоявшимся корпоративным и социальным нормам [21, 22], – «свободному агенту». Данный термин олицетворяет собой самодостаточного и независимого работника, трудящегося на условиях временной и гибкой занятости и не связанного привычными организационными рамками [19].

В сравнении с традиционными наемными работниками свободные агенты располагают иными трудовыми ценностями. Последние больше ценят автономию и самостоятельность, а не стабильность работы и гарантированность занятости: они готовы идти на осознанный риск, чтобы отстаивать свое право быть теми, кем они хотят. Свободные агенты также по-иному относятся к своему рабочему времени. Привычный восьмичасовой рабочий день рассматривается ими как устаревший формат: такие работники желают самостоятельно определять собственный режим труда и отдыха [19].

Несмотря на то, что Д. Пинк в целом положительно оценивает текущие изменения в сфере труда, он отмечает двойственность анализируемых трансформаций. Вместе со сво-

³ Данное понятие изначально было введено в научный оборот американским социологом У. Уайтом в 1950-е гг. для обозначения доминирующей для своего времени трудовой культуры.

бодными агентами рынок труда заполняют различные категории временных работников, которые зачастую характеризуются низким уровнем заработной платы, социально-экономической незащищенностью, а также высоким уровнем неудовлетворенности своим текущим положением [19].

Еще одну важную концепцию, посвященную трансформации социально-профессиональной структуры, разработал исследователь Р. Флорида. Движущей силой социально-экономического развития он видит человеческую креативность как способность создавать нечто новое и постоянно совершенствовать имеющееся [23, с. 18–19]. Проанализировав обширную статистику экономики США, автор говорит о формировании и становлении в этой стране нового социального класса – *креативного*.

Р. Флорида признает, что не использует марксистский подход к определению классов, поскольку не считает его релевантным современности. Критерий классовообразования для автора – это наличие или отсутствие творческих способностей и степень их выраженности. К креативному классу относятся индивиды, занимающиеся внедрением и разработкой инноваций, генерацией идей (как, например, ученые, предприниматели, программисты и т. д.). Р. Флорида противопоставляет креативный класс всем остальным (рабочему, обслуживающему, работникам сельского хозяйства), которые получают зарплату за выполнение определенного плана, а не за создание новых вещей/идей. Труд остальных классов подчинен достаточно строгому режиму, в то же время представители креативного класса имеют возможность работать в условиях большей автономии и гибкости [23].

Формирование и развитие креативного класса происходит совместно с ростом обслуживающего. Отличительным признаком последнего часто является тяжелый, изнурительный, нетворческий труд, за который полагается довольно низкая оплата. При этом обслуживающий класс – «аутсорсер» функций креативного класса: поскольку ценность времени крайне важна для интеллектуальных и творческих работников, у них есть потребность в наличии персонала, который возьмет на себя основные бытовые и досуговые функции. Автор также отмечает, что на сегодняшний момент именно обслуживающий класс является самым многочисленным, несмотря на это, степень его влияния на общество меньше, чем у креативного [23].

Креативный класс характеризуется собственными ценностными ориентациями: члены указанного класса ценят индивидуализм и возможность самовыражения, меритократические принципы, разнообразие и терпимость. В материальном отношении креативные работники чувствуют себя достаточно благополучно, при этом финансовый аспект является для них далеко не единственным при выборе работы. Так, креативному индивиду очень важна возможность решать интересные для себя задачи, иметь возможность работать в своем режиме, получать признание со стороны других работников [23].

Хотя креативные специалисты и практикуют «горизонтальную» карьеру – относительно часто перемещаются между работодателями и организациями, пробуют новые виды деятельности и формы занятости, расширяют социальные связи, – в основном они остаются наемными работниками, что не позволяет автору назвать их свободными агентами [23]. Критики при этом отмечают слабую сторону концепции Р. Флориды: в креативный класс потенциально включается крайне разнородная совокупность трудящихся – от выдающихся профессионалов

и ученых до низовых работников, чья деятельность тем не менее включает ряд творческих аспектов [24, с. 20]. Стоит сказать, что автор концепции отделял «ядро» креативного класса от других его членов, которые вместе все равно объединены одним «этосом» [23, с. 22].

В отличие от двух предыдущих исследователей, Г. Стэндинг предложил более пессимистичный взгляд на новую социально-профессиональную структуру, по-иному расставив акценты относительно выигрывающих и проигрывающих от трансформации института труда. По его мнению, масштабными темпами растет «опасный» социальный класс – *прекариат* [25].

Понятие прекариата наиболее полно раскрывает негативные стороны трансформации труда, дополняя идеи Р. Флориды и Д. Пинка. Данная категория трудящихся отличается в первую очередь негарантированной и нерегулярной занятостью [25, с. 24–29]. Вследствие этого данный класс характеризуется неуверенностью в будущем (в том числе относительно получения оплаты за труд), высоким уровнем недовольства и подавленности, отсутствием четких жизненных стратегий, возможностей для карьерного и профессионального роста, низким уровнем социальной защиты и доходов. Непосредственно в прекариате проявляется максимальное ослабевание связи труда и капитала. Уровень профессиональных связей у прекариев довольно слабый. Попадают в прекариат через временную, неполную занятость, а также стажерство [25].

Однако вместе с прекариатом в социально-профессиональной структуре современного общества можно выделить группу *proficians*, которую на русский язык перевели как «квалифицированные кадры» [25, с. 21]. Эти работники представляют собой профессионалов и специалистов, трудящихся на себя. По сути, «квалифицированные кадры» походят на свободных агентов Д. Пинка. Г. Стэндинг отмечает, что стандартные трудовые отношения им не нужны и они не собираются долгосрочно работать на одну компанию на условиях полного дня [25, с. 21]. Данная группа работников, в отличие от прекариата, имеет больший и относительно стабильный доход, поскольку наиболее полным образом адаптирована под временную занятость. Брать и успешно реализовывать различные проекты не представляет для них существенного труда, в силу обладания широким набором профессиональных навыков. Таким образом, этот класс является, по мысли Г. Стэндинга, «привилегированным», и его положению в обществе мало что угрожает [25, с. 212].

Известный российский социолог Ж. Т. Тощенко перечисляет основные черты прекариата, близкие к позиции Г. Стэндинга: неустойчивое социальное положение, которое приводит к недовольству, страху, разочарованию в обществе и государстве; негарантированность рабочего места; деинтеллектуализация и депрофессионализация работников; потеря или снижение социального статуса; статусный диссонанс; социальная незащищенность и лишение ряда трудовых гарантий; отсутствие достойных перспектив на дальнейшую жизнь и уверенности в своей общественной необходимости; нестабильный доход [26, 27]. Как и автор оригинальной теории, Ж. Т. Тощенко считает прекариат классом-в-себе («протоклас-сом»), который, однако, находится в стадии трансформации: прекарии, вероятно, будут стараться изменить свое уязвимое социальное положение [27, с. 189–190; 28, с. 272–273].

Ж. Т. Тощенко демонстрирует, что российские прекарии характеризуются повышенным уровнем общественно-политической пассивности и социальной изолированности,

а также отсутствием ясных жизненных перспектив [29, с. 36–37]. И. О. Шевченко и П. В. Шевченко показывают, что precarious труд влечет за собой социальную аномию, препятствует доступу индивида к получению ряда основных для постиндустриального общества благ (сохранение и улучшение своего здоровья, повышение образовательного уровня, достойные способы проведения досуга и др.) [30]. Вследствие этого происходит «прекаризация жизни» – она характеризуется нестабильностью, негативизмом, снижением социальной активности [30].

Итак, изучив три базовые концепции (Д. Пинк, Р. Флорида, Г. Стэндинг) в области социально-профессиональных трансформаций современного общества, можно отметить, что авторы рассматривают изменение института труда амбивалентно, выделяя тех, кто выигрывает от перемен, и тех, кто очевидным образом проигрывает от них. Д. Пинк говорит о свободных агентах, параллельно с которыми существуют различные типы временных работников, Р. Флорида выделил креативный и обслуживающий классы, а Г. Стэндинг – «квалифицированные кадры» (proficians) и прекариат.

Обозначенные социально-профессиональные группы представляются не просто теоретическими конструкциями, но эмпирически наблюдаемыми феноменами. Так, по материалам анализа иностранных исследований в области нестандартной занятости, автором было продемонстрировано, что структура гиг-экономики – социально-трудовой системы, в основе которой лежат временные и краткосрочные договоры, носит амбивалентный характер: в ней прослеживаются два типа занятых, имеющих различные мотивы и существенно отличающихся по своему социально-экономическому статусу [5]. Отечественные исследователи говорят как о фрилансерах – удаленно трудящихся креативных профессионалах [31], так и о незащищенных временных и эпизодических работниках, составляющих российский прекариат [7]. Следовательно, гиг-экономику можно также обозначить как социально-трудовой контекст, в который погружены члены современного общества: с одной стороны, появляются новые возможности для самореализации, творчества и приложения своего труда, а с другой – новые риски с точки зрения социальной защищенности, материального и духовного благополучия работника.

Теоретики постиндустриализма достаточно точно предсказали многие тенденции общественного развития, однако они явно недооценили масштабы социально-экономической поляризации, вызванной нестандартной занятостью. Оптимистичный образ креативного класса и свободных агентов как нового и продвинутого типа работника, с одной стороны, и пессимистичный образ прекариата как группы, лишенной социально-трудовых гарантий, с другой стороны, только укрепляют тезис о «раздвоении» рынка труда. Этот рынок характеризуется наличием привилегированных групп работников, обладающих знаниями, гибкостью и автономией, в противовес растущему прекариату, борющемуся с нестабильностью, низким уровнем оплаты труда и недостатком социальной защиты. Такая двойственная структура подчеркивает настоятельную необходимость дальнейших исследований и теоретических обобщений, которые могли бы использоваться также для разработки политики, направленной на преодоление вышеобозначенного разрыва и обеспечение социальной справедливости.

Заключение. Постиндустриализация института труда, по мнению исследователей, концептуализирующих ее последствия, приводит к тому, что в структуре социума образуются два сильно отличающиеся друг от друга типа социально-профессиональных групп – приви-

легируемый и депривированный. Описанные Д. Пинком и Р. Флоридой привилегированные группы – «свободные агенты», креативный класс – грамотно и умело используют возможности, возникающие в результате появления новых форм занятости. Такие работники более не хотят встраиваться в капиталистические отношения фордистского типа, а ориентируются на гибкость, информационные услуги, креативность, высокую степень независимости и свободы в жизни и труде. В то же время депривированные группы, включая описанный Г. Стэндингом прекариат, вбирают в себя тех, кто не смог адекватно «вписаться» в новые трудовые отношения и является «жертвой» трансформации института занятости. Представители данных групп вынуждены выбирать негарантированную и/или низкооплачиваемую занятость по различным причинам, связанным, например, с недостатком квалификации или образования. Поскольку они остаются ориентированными на традиционную модель занятости, им во многом претят ценности, проповедуемые привилегированными группами.

Таким образом, ученым следует признать, что постиндустриализация оказывает глубокое влияние на социально-профессиональную структуру современного общества, создавая как возможности для инноваций и самореализации, так и уязвимости, связанные с неравенством и нестабильностью. Новые социально-профессиональные группы обладают различными степенями доступа к ресурсам, социальным гарантиям и защищенности – это справедливо не только для обществ западного типа, но, как показал Ж. Т. Тощенко, и для России. Дуализм постиндустриальной занятости, радикализирующийся в ходе цифровизации, предстает важной темой для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Muntaner C. Digital Platforms, Gig Economy, Precarious Employment, and the Invisible Hand of Social Class // *International J. of Social Determinants of Health and Health Services*. 2018. Vol. 48, no. 4. P. 597–600. DOI: 10.1177/0020731418801413.
2. Zwick A. Welcome to the Gig Economy: neoliberal industrial relations and the case of Uber // *GeoJournal*. 2018. Vol. 83, no. 4. P. 679–691. DOI: 10.1007/s10708-017-9793-8.
3. De Stefano V. The rise of the «just-in-time workforce»: On-demand work, crowdwork and labour protection in the «gig-economy» // *Conditions of work and employment series*. No. 71. Geneva: ILO, 2016. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
4. Дианов Р. К. Карьерный габитус студенческой молодежи в контексте гиг-экономики: опыт эмпирического исследования // *Социальное пространство*. 2023. Т. 9, № 4. DOI: 10.15838/sa.2023.4.40.7.
5. Дианов Р. К. Гиг-экономика: опыт эмпирических исследований в США // *Russian Economic Bulletin*. 2023. Т. 6, № 3. С. 71–76.
6. Gig Economy in Chile: Examining Labor Conditions and the Nature of Gig Work in a Global South Country / A. Arriagada, M. Bonhomme, F. Ibáñez, J. Leyton // *The Digital Geography and Society*. 2023. Vol. 5: 100063. DOI: 10.1016/j.diggeo.2023.100063.
7. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
9. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
10. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 1999.
11. Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999. С. 448–462.

12. Тоффлер О. Будущее труда / пер. с англ. Н. Л. Поляковой // Новая технократическая волна на Западе / сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 250–275.
13. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство / пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун, А. Александровой. М.: АСТ, 2008.
14. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.
15. Drucker P. F. Post-Capitalist Society. NY: HarperCollins, 1993.
16. Drucker P. F. The Rise of the Knowledge Society // The Wilson Quarterly. 1993. Vol. 17, no. 2. P. 52–72.
17. Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X.
18. Слободская А. В. Прекариат и креативный класс: сравнительный анализ паттернов социальной структуры постиндустриального общества // Вестн. ТомГУ. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 51–59. DOI: 10.17223/1998863X/42/5.
19. Pink D. H. Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live. NY: Warner Books, 2001.
20. Патырбаева К. В. Америка в поисках новой идентичности: концепция свободного агента Д. Пинка // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2012. № 1 (9). С. 70–79.
21. Whyte W. H. The Organization Man. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2002.
22. Hanson D., O'Donohue W. William Whyte's The Organization Man: A Flawed Central Concept but a Prescient Narrative // Management revue. 2010. Vol. 21, no. 1. P. 95–104. DOI: 10.1688/1861-9908_mrev_2010_01_Hanson.
23. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика-XXI, 2007.
24. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социол. исслед. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
25. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный клас / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
26. Тощенко Ж. Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социол. исслед. 2019. № 9. С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.
27. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новое явление на рынке труда // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докл. конф., СПб., 14–16 декабря 2015 г. / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 182–191.
28. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
29. От прекарной занятости к прекаризации жизни / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
30. Шевченко И. О., Шевченко П. В. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? // Социол. исслед. 2022. № 7. С. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7.
31. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1.

Информация об авторе.

Дианов Роман Константинович – аналитик II категории Отдела качества образования Управления учебно-организационной работы, аспирант кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: исследования в области труда, занятости и карьеры.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 25.07.2024; принята после рецензирования 03.03.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.

REFERENCES

1. Muntaner, C. (2018), "Digital Platforms, Gig Economy, Precarious Employment, and the Invisible Hand of Social Class", *International J. of Social Determinants of Health and Health Services*, vol. 48, no. 4, pp. 597–600. DOI: 10.1177/0020731418801413.
2. Zwick, A. (2018), "Welcome to the Gig Economy: neoliberal industrial relations and the case of Uber", *GeoJournal*, vol. 83, no. 4, pp. 679–691. DOI: 10.1007/s10708-017-9793-8.
3. De Stefano, V. (2016), "The rise of the 'just-in-time workforce': On-demand work, crowdwork and labour protection in the 'gig-economy'", *Conditions of work and employment series*, no. 71, ILO, Geneva, SWZ, available at: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (accessed 20.07.2024).
4. Dianov, R.K. (2023), "Career Habitus of University Students in the Context of the Gig Economy: Empirical Study", *Social Area*, vol. 9, no. 4. DOI: 10.15838/sa.2023.4.40.7.
5. Dianov, R.K. (2023), "Gig economy: Empirical research experience in the USA", *Russian Economic Bulletin*, vol. 6, no. 3, pp. 71–76.
6. Arriagada, A., Bonhomme, M., Ibáñez, F. and Leyton, J. (2023), "The Gig Economy in Chile: Examining Labor Conditions and the Nature of Gig Work in a Global South Country", *Digital Geography and Society*, vol. 5: 100063. DOI: 10.1016/j.diggeo.2023.100063.
7. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2020), *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: the emergence of a new class], Tsentri sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, RUS.
8. Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting], Transl. by Inozemtsev, V.L., Academia, Moscow, RUS.
9. Bell, D. and Inozemtsev, V.L. (2007), *Epokha razobshchennosti: razmyshleniya o mire XXI veka* [The Age of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century], Tsentri issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, Moscow, RUS.
10. Toffler, A. (1999), *The Third Wave*, Transl., AST, Moscow, RUS.
11. Toffler, A. (1999), "The Adaptive Corporation", *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [The New Post-Industrial Wave in the West: An Anthology], Akademiya, Moscow, RUS, pp. 448–462.
12. Toffler, A. (1986), "The Future of Labour", Transl. by Polyakova, N.L., *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [A New Technocratic Wave in the West], Gurevich, P.S. (comp.), Progress, Moscow, USSR, pp. 250–275.
13. Toffler, A. and Toffler, H. (2008), *Revolutionary Wealth*, Transl. by Sultanova, M., Tsyркun, N. and Aleksandrova, A., AST, Moscow, RUS.
14. Polyakova, N.L. (2004), *XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva* [The 20th century in sociological theories of society], Logos, Moscow, RUS.
15. Drucker, P.F. (1993), *Post-Capitalist Society*, HarperCollins, NY, USA.
16. Drucker, P.F. (1993), "The Rise of the Knowledge Society", *The Wilson Quarterly*, vol. 17, no. 2, pp. 52–72.
17. Anisimov, R.I. (2017), "Labor in the uncertainty epoch", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X.
18. Slobodskaya, A.V. (2018), "The precariat and the creative class: a comparative analysis of the social structure patterns of a post-industrial society", *Tomsk State Univ. J. of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 42, pp. 51–59. DOI: 10.17223/1998863X/42/5.
19. Pink, D.H. (2001), *Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*, Warner Books, NY, USA.
20. Patrybaeva, K.V. (2012), "America is searching new identity: D. Pink's theory of free agent", *Perm Univ. Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 1 (9), pp. 70–79.
21. Whyte, W.H. (2002), *The Organization Man*, Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.

22. Hanson, D. and O'Donohue, W. (2010), "William Whyte's The Organization Man: A Flawed Central Concept but a Prescient Narrative", *Management revue*, vol. 21, no. 1, pp. 95–104. DOI: 10.1688/1861-9908_mrev_2010_01_Hanson.
23. Florida, R. (2007), *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*, Transl. by Konstantinov, A., Klassika-XXI, Moscow, RUS.
24. Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2019), "Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class?", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
25. Standing, G. (2014), *The Precariat: The New Dangerous Class*, Transl. by Usova, N., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
26. Toshchenko, Zh.T. (2019), "The Precariat Phenomenon: Theoretical and Methodological Premises of its Study", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.
27. Toshchenko, Zh.T. (2016), "Precariat – a new phenomenon in the labor market", *Yadovskie chteniya: perspektivy sotsiologii* [Yadov's readings: The perspectives of sociology], *Proc. of the scientific Conf.*, St Petersburg, RUS, 14–16 Dec. 2015, pp. 182–191.
28. Toshchenko, Zh.T. (2018), *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Monografiya* [Precariat: from Protoclass to a New Class], Nauka, Moscow, RUS.
29. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2022), *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni* [From Precarious Employment to Precarious Quality of Life], Ves' Mir, Moscow, RUS.
30. Shevchenko, I.O. and Shevchenko, P.V. (2022), "From Employment Precarization to Life Precarization?", *Sociological Studies*, no. 7, pp. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7.
31. Strebkov, D.O. and Shevchuk, A.V. (2022), *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti* [What do we know about freelancers? Sociology of free employment], HSE, Moscow, RUS. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1.

Information about the author.

Roman K. Dianov – Analyst at the Education Quality Department of the Educational and Organizational Work Directorate, Postgraduate at the Sociology Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskogo ave., Moscow 119454, Russia. The author of more than 10 scientific publications. Area of expertise: labor, employment and career studies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.07.2024; adopted after review 03.03.2025; published online 19.06.2025.